

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 17 МАРТА 1932
JEUDI, 17 MARS 1932

НОМЕРЪ
50 САНТ.
50 ФРАНЦИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES", Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO 50 cent.
EN FRANCE

ЧЕТВЕРГЪ, 17 МАРТА 1932
JEUDI, 17 MARS 1932

№ 4012

13-е
ANNEE
77

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1 et 16 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	265

Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписна приймаются въ Конторѣ газетъ
и въ всѣхъ отдѣленіяхъ, а также по почте
отдѣленіяхъ.
Цѣна: Въ Парижѣ и провинціи — 50 сант.
За-границей — 90 сант.
Прямъ объявленій въ Конторѣ газетъ.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION

Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 90 cent.
Annonces: aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 81-52
„ конторы . . . ARCHIVES 85-00
„ отд. объявленій. ARCHIVES 84-95 н. сѣд.
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
„ PROVENCE 39-44

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 4012

13-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
77

Современники о пьесах Чехова

Новый, 9-й томъ полного собранія сочиненій Чехова, выпускаемый теперь въ Москвѣ *), заключаесть пьесы. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, о которыхъ мы писали, обширныя, интересныя примѣчанія излагаютъ исторію созданія каждой драматической вещи Чехова и напоминаютъ, какой приемъ онѣ встрѣтили у публики и критики.

Первую попытку писать для театра Чеховъ сдѣлалъ еще гимназистомъ. Совѣмъ неопытной рукой составленная драма «Безотцовщина» интересна тѣмъ, что предвосхищаесть одного изъ излюбленныхъ персонажей зрѣлаго Чехова — безвольнаго «современнаго Чацкаго». Этотъ Платоновъ уже родной братъ Иванова, героя той драмы, которая впервые открыла публикѣ замѣчательнаго драматурга.

Если не считать «Безотцовщины», то первыми драматическими опытами Чехова были одноактные пьесы — комедіи-шутки. И на сценѣ, прежде чѣмъ стать Чеховымъ, Антонъ Павловичъ прошелъ стادیю Чехонте. Изъ восьми его одноактныхъ пьесъ шесть перетѣланы изъ раннихъ юморстическихъ разсказовъ. Артисты, съ такой охотой инсценирующіе теперь разсказы Чехова, идутъ только по стопамъ самого автора. Первая пьеса «драматическій этюдъ» — «На большой дорогѣ», передѣланная въ 1885 году изъ разсказа, появившагося за два года передъ тѣмъ въ «Будильникѣ», не была разрѣшена къ постановкѣ. Цензоръ, пресловутый К. Феоктистовъ, одобрилъ раноръ своего подчиненнаго, Кайзера фонъ Нилькрейма, который находилъ, что «мрачная и грязная пьеса эта не можетъ быть допущена къ представленію», такъ какъ «въ ней выведенъ разорившійся дворянинъ, который умоляетъ цѣловальника дать ему вынуть въ долгъ». И впоследствии цензура, впрочемъ безъ особенной уже строгости, чистила пьесы Чехова. Нынѣшнее изданіе впервые воспроизводитъ нѣсколько мѣстъ, выброшенныхъ изъ моно-

логовъ Трофимова въ «Вишневомъ Садѣ». Такъ, цензору показались недопустимыми слова Трофимова Анѣ: «Владѣть живыми душами — вѣдь это переродило всѣхъ насъ, жившихъ раньше и теперь живущихъ, такъ что ваша мать, вы, дядя, уже не замѣчаете, что вы живете въ долгъ, на чужой счетъ, на счетъ тѣхъ людей, которыхъ вы не пускаете дальше передней». Чеховъ замѣнилъ эту фразу такой тирадой: «О, это ужасно! Садъ вашъ страшенъ, и когда вечеромъ или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло, и, кажется, вишневые деревья видятъ во снѣ то, что было 100 — 200 лѣтъ назадъ, и тяжелыя видѣнія томятъ ихъ. Что говорить!»

Цензоръ «Чайки», нѣкій Литвиновъ, отмѣтилъ цѣлый рядъ мѣстъ, касавшихся характеристики отношеній Аркадиной и Тригорина. Режиссеръ Александринскаго театра, Карповъ, ставившій пьесу, отправился къ нему, и цензоръ выразилъ желаніе, чтобы Чеховъ «нѣсколько сгладилъ слишкомъ явные признанія сына о незаконномъ сожителствѣ его матери». Подозрительныя для Литвинова мѣста показали Карпову «невиннаго грудного младенца». Пришлось, однако, подчиниться.

Въ водевилѣ «Медвѣдь» — его постановка была первымъ сценическимъ успѣхомъ Чехова — цензоръ выбросилъ дватри «бранины» мѣста. По нѣкоторымъ критикамъ и этого показалось мало. Послѣ представленія «Медвѣдя», рецензентъ «Русскаго Дѣла» упрекалъ Чехова именно въ обилии браниныхъ словъ, не нашелъ въ пьесѣ никакого комизма и закончилъ свою рецензію строгимъ предостереженіемъ по адресу «крупнаго таланта, ложно направленнаго». «Медвѣдь» — шутка, — писалъ онъ, — но пагубными послѣдствіями грозитъ она молодому писателю. Это опасный путь, Чеховъ!» Чехову пришлось не разъ еще слышать столь же мрачныя предостереженія даже отъ столбовъ тогдашней критики. Особенно, какъ извѣстно, отличился въ этихъ предсказаніяхъ Скабичевскій.

Другая, ставшая очень популярной «шут-

ка» Чехова — «Предложеніе» понравилась Толстому. «Предложеніе» обусловленный комизмъ, — сказалъ онъ, — нѣтъ въ немъ французской безсмысленной неожиданности. Это, впрочемъ, единственный благоприятный отзывъ Толстого о Чеховѣ-драматургѣ. Толстой очень высоко цѣнилъ беллетристику Чехова, но пьесы его отрицалъ совершенно. (Чеховъ, впрочемъ, былъ здѣсь въ хорошей компаніи — выѣстъ съ Шекспиромъ и Ибсеномъ). «О «Чайкѣ» Толстой сказалъ, — записалъ въ свой дневникъ А. С. Суворинъ, — что она написана, какъ Ибсенъ пишетъ: — нагрождено чегото, а для чего, — неизвѣстно». Толстой находилъ, что «литераторовъ не слѣдуетъ выставлять; насъ очень мало, и нами не интересуются. Лучшее въ пьесѣ — монологъ писателя: это автобіографическія черты; но ихъ можно было бы написать отдѣльно или въ письмѣ; въ драмѣ онѣ ни къ селу, ни къ городу».

Толстой видѣлъ въ Художественномъ театрѣ «Дядю Ваню» и послѣ спектакля записалъ въ дневникъ: «Вздвигъ смотрѣть «Дядю Ваню» и возмущился». П. Гнѣдичъ передаетъ, со словъ Чехова, его разговоръ съ Толстымъ по поводу «Дяди Вани»: «Вы знаете, я терпѣть не могу Шекспира, но наши пьесы еще хуже. Шекспиръ, все таки, хватаетъ читателя за шиворотъ и ведетъ его къ извѣстной цѣли, не позволяя свернуть въ сторону. А куда съ вашими героями дойдешь? Съ дивана, гдѣ они лежали, — до... и обратно». «Настоящаго нерва для драматическаго писателя у Чехова нѣтъ», — говорилъ Толстой и Гнѣдичу. Сохранился отзывъ Толстого о «Трехъ сестрахъ»: «Я очень люблю Чехова и цѣню его писаніе, но его «Три сестры» я не могъ заставить себя прочесть. Къ чему все это? Вообще, у современныхъ писателей утрачено представленіе о томъ, что такое драма. Драма должна, вмѣсто того, чтобы разсказать намъ всю жизнь человѣка, поставить его въ такое положеніе, завязать такой узелъ, при распутываніи котораго онъ скажется бы весь. Вотъ я себѣ позволилъ порицать Шекспира, но вѣдь у него всякій человѣкъ дѣйствуетъ, и всегда ясно, почему онъ поступаетъ именно такъ. А теперь совершенно наоборотъ».

Первой большой пьесой зрѣлаго Чехова была «Ивановъ». Въ письмѣ къ Суворину

Чеховъ такъ опредѣлялъ основную тему драмы: «Я лелѣлъ дерзкую мечту суммировать все то, что доселѣ писалось о ноющихъ и тоскующихъ людяхъ, и своимъ «Ивановымъ» положить предѣлъ этимъ писаніямъ. Мнѣ казалось, что всѣми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылаго человѣка, и что всѣ они писали инстинктивно, не имѣя опредѣленныхъ образовъ и взгляда на дѣло». «Ивановъ» былъ поставленъ впервые, осенью 1887 года, у Корна. (Заглавную роль исполнялъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ В. Н. Давыдовъ). Пьеса на первыхъ спектакляхъ вызвала разнообразныя и противоположныя отзывы. «Театралы говорятъ, — писалъ Чеховъ брату, — что никогда не видѣли въ театрѣ такого броженія, такого всеобщаго аплодисменто-шканья, и никогда въ другое время имъ не приходилось слышать столько споровъ, которые видѣли и слышали они на моей пьесѣ». Видный московскій критикъ П. Кичеевъ называлъ «Иванова» «глубоко безразличной, нагло-цинической путаницей понятій», а автора «безшабашнымъ клеветникомъ на идеалы своего времени». «Циническое лаганье на современную жизнь» усмотрѣлъ въ пьесѣ и «Русскій Листокъ». Другія газеты увидѣли совсѣмъ обратное: — «свѣжую струю», «новыя бытовые лица», «оригинальныя положенія».

Въ слѣдующемъ году Чеховъ сталъ предлагать пьесу, рассчитывая поставить ее въ петербургскомъ Александринскомъ театрѣ. 31 мая 1889 года пьеса была сыграна тамъ въ новой редакціи и имѣла совершенно исключительный успѣхъ. Высоко оцѣнили пьесу и театральные рецензенты, и литературные критики, когда она была напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Интересно отмѣтить сдержанный отзывъ В. Н. Немировича-Данченка. «Спасибо за «Иванова», — писалъ онъ Чехову, — прочелъ и вникъ, но, простите, за откровенность. Что вы талантливѣе насъ всѣхъ, — это, я думаю, вамъ не въпервой слышать, и я подлинсываюсь подъ этимъ безъ малѣйшаго чувства зависти. Но «Иванова» я не буду считать въ числѣ лучшихъ вашихъ вещей. Мнѣ даже жаль этой драмы, какъ жаль было разсказа «На пути». И это, и другое — брѣвняшки, первоначальные наброски прекрасныхъ вещей».

Первой по настоящему «чеховской» пьесой была «Чайка». Извѣстенъ ея провалъ въ Александринскомъ театрѣ. По этому поводу, и на казенную сцену, и даже на публику сыпалось и тогда, и особенно позже, много обвиненій за неумѣнье сыграть и понять пьесу. Но гораздо меньше помнятъ, что и значительная часть театральнаго петербургскаго критика присоединилась къ оцѣнкѣ публики. На такого тонкаго критика, какъ А. Кугель, «Чайка» «произвела удручающее впечатлѣніе», какъ вовсе не пьеса и не комедія. Рецензентъ «Новостей» назвалъ «Чайку» пьесой «совершенно нецѣльной со всѣхъ точекъ зрѣнія — идейной, литературной и сценической. Отъ каждаго дѣйствія, писалъ онъ, — вѣяло отчаянной скукой, фальшью, незнаніемъ жизни и людей. Это какой-то сумбуръ въ плохой драматической формѣ». І. Ясинскій въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» острилъ: «это не «Чайка», а просто «дичь». Одинъ Суворинъ въ «Новомъ Времени» выступилъ на защиту пьесы: «Написать такую оригинальную, такую правдивую вещь, разсыпать въ ней столько наблюденій, столько горькой жизненной правды можетъ только истинный драматическій талантъ». Спустя два года, Художественный театръ сумѣлъ показать «Чайку» по настоящему. Это былъ триумфъ и театра и автора.

Слѣдующая пьеса — «Дядя Ваня» представляла передѣлку написанной за десять лѣтъ до того драмы «Ілліій», провалившейся на сценѣ. Тогда новаторскія исканія Чехова, игнорировавшаго «условія сцены» и пытавшагося дать «фотографію жизни», встрѣтили единодушное отрицательное отношеніе. Старую пьесу Чеховъ переработалъ совершенно въ духѣ новой своей драматической техники. «Дядя Ваня» появился въ печати до постановки на сценѣ и прошелъ въ провинціи раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Пьеса имѣла тамъ успѣхъ, очень удивившій Чехова. «Вотъ, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, — писалъ онъ брату. — Совсѣмъ я не рассчитывалъ на сію пьесу». Чеховъ отдалъ ее Малому театру, но театральныя литературныя комитеты потребовали незначительныхъ сокращеній и передѣлокъ. Чеховъ не согласился ничего мѣнять, и «Дядю Ваню» взялъ Художественный театръ. Пьеса прошла впервые 26-го октября 1899 года, имѣла успѣхъ не

столь бурный, какъ «Чайка», но длительный и ровный. Среди отзывовъ критики одиноко прозвучало суровое сужденіе популярнаго тогда передоваго критика А. Богдановича въ «Мірѣ Вожежъ»: «Не чувствуется непосредственной правды, а что-то надуманное и тяжелое, какъ мысли въ концѣ изстрадавшагося человѣка». Необычайно восторженныя письма писалъ по поводу «Дяди Вани» Чехову М. Горькій. Пьеса потрясла его: «На дняхъ смотрѣлъ «Дядю Ваню», смотрѣлъ и плакалъ, какъ баба, хотя я человѣкъ далеко не нервный». Но Горькій спрашивалъ, чего Чеховъ «думаетъ добиться ударами по душамъ. Воскреснетъ ли человекъ отъ этого?». Мнѣ, знаете, кажется, что въ этой пьесѣ вы къ людямъ — холоднѣе чорта; вы равнодушны къ нимъ, какъ снѣгъ, какъ вьюга».

Слѣдующая пьеса «Три сестры» писалась осенью 1900 года и была поставлена въ Художественномъ театрѣ 31 января 1901 года. Пьеса имѣла тоже большой успѣхъ, особенно восхитались исполненіемъ, но въ отзывахъ критики уже появились ноты, отражавшія мѣнявшіяся общественныя настроенія. Новый, въ особенности молодой, зритель искалъ на сценѣ «бодрящихъ впечатлѣній». Ему «созвученъ» былъ больше Горькій, чѣмъ Чеховъ.

Въ «Вишневомъ Садѣ» Чеховъ хотѣлъ пойти навстрѣчу этимъ настроеніямъ. Онъ мечталъ первоначально написать «непремѣнно смѣшную, очень смѣшную, по крайней мѣрѣ по замыслу», пьесу. Слѣдомъ этихъ намѣреній остался цѣлый рядъ эскизовъ, но сама пьеса оказалась лишь «заключительнымъ аккордомъ всѣхъ серій чеховскихъ драмъ». «Пьесу можно назвать «Ликвидация», — писалъ одинъ изъ критиковъ. Да, это полная ликвидация того жизненнаго строя, тѣхъ явленій и характеровъ, которые Чеховъ только и наблюдаетъ въ русской жизни, и которые только и любитъ изображать».

Первый спектакль «Вишневаго Сада» состоялся въ Художественномъ театрѣ 17 января 1904 г. Чеховъ, уже опасно больной, былъ на премьерѣ, и публика устроила ему горячую, послѣднюю, овацию. Онъ умеръ черезъ полгода.

Р. Словцовъ

* А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій. Т. IX. Пьесы. Госиздатъ. Худож. Литература. Москва, 1932. Стр. 363. (Получено отъ «Дома Книги» въ Парижѣ).